

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Сергей Александрович Белоусов

Доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: sbelousov@sgar.ru

Дисбаланс российского законодательства и информационная избыточность нормативно-правового текста: соотношение и взаимосвязь

Аннотация: в статье обосновывается актуальность исследования вопросов дисбаланса в системе российского законодательства, его соотношения с информационной избыточностью текста нормативных правовых актов и диспропорциями в реализации принципа правовой экономии. Отмечается, что в научном познании феномена разбалансированности системы законодательства используется ряд терминологических конструкций и понятий, которые нередко не увязаны между собой в единую понятийную систему. Раскрывается взаимосвязь законодательного дисбаланса с такими дефектами нормативно-правовой материи, как ее информационная избыточность и нарушение принципа правовой экономии. Прослеживается прямая связь между избыточностью юридической информации в негативном ее понимании и процессом разбалансированности в законодательстве, где одно есть форма и часть проявления другого. Обосновывается перспективность теоретического построения модели законодательного дисбаланса на основе именно системного подхода. Предлагается авторская дефиниция понятия законодательного дисбаланса в России.

Ключевые слова: система российского законодательства, дефекты нормативного правового акта, законодательный дисбаланс, информационная избыточность текста закона, принцип правовой экономии.

Sergey Alexandrovich Belousov

Associate Professor of the Department of theory of state and law, Saratov State Law Academy, Candidate of legal Science, Associate professor

Imbalances of Russian Legislation and the Informational Redundancy of a Legal Regulatory Text: the Balance and Interrelationship Between Them

Annotation: the article substantiates the relevance of research of the imbalances' questions within the system of the Russian legislation, its correlation with redundancy of the information of text of legal regulative acts and distortions in the implementation of the principle of legal economy. It is noted that in the scientific cognition of the phenomenon of imbalances of the legislative system of terminology is used a number of designs and concepts that are often not linked together into a single conceptual system. One reveals the

relationship of the legislative imbalance defects of the legal matter, such as an information redundancy and a violation of the principle of legal economy. There is a direct link between redundancy of the legal information in a negative sense and the process of imbalance in the law, where one is a form and manifestation of the other. One substantiates the theoretical prospects of building a model of legislative imbalance based on a system approach. The author offers a proper definition of the notion of legislative imbalance in Russia.

Keywords: *Russian legislation system, defects of a normative legal act, legislative imbalance, information redundancy of the text of the law, principle of legal economy.*

Для оценки состояния разбалансированности как самого законодательства, так и правовых явлений, сопровождающих процессы внесения в него изменений, принятия новых нормативных правовых актов, толкования и реализации его норм на практике, в юридической литературе используется ряд терминологических конструкций и понятий, порой не увязанных между собой в единую понятийную систему. В частности, исследователи оперируют терминами «асимметрия правил»¹, «асимметрия конституционно-правового статуса»², «дисбаланс статей»³, «дисбаланс системы уголовно-правовых запретов»⁴, «дисгармония»⁵, «противоречия законодательства»⁶, «понятийные

¹ См.: Балакшин В. Асимметрия правил оценки допустимости доказательств // Законность. 2007. № 3; Дзюконская С. Г. К вопросу о соблюдении принципа равенства в условиях системы уголовно-правовых норм гендерной асимметрии // Уголовное судопроизводство. 2009. № 3.

² См.: Соловьева Е. А. Договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами как черта асимметрии конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации // Современное право. 2006. № 7.

³ См.: Тасалов Ф. А. УК гуманизируется, дисбаланс остается // ЭЖ-Юрист. 2011. № 26. С. 1–3; Тур И. А., Стельмах А. В. Проблема нарушения баланса прав и интересов должника и взыскателя на стадии исполнения судебных актов // Арбитражные споры. 2011. № 1. С. 140–150; Ярошенко Н. И. Дисбаланс статей 125–127 Конституции Российской Федерации // Современное право. 2011. № 3. С. 34–38.

⁴ См.: Борков В. Н. Закономерности формирования и дисбаланс системы уголовно-правовых запретов на совершение должностных преступлений // Административное и муниципальное право. 2008. № 3.

⁵ См.: Певницкий С. Г. Государство, налоги и собственность: баланс или дисгармония // Налоги (газета). 2006. № 7.

⁶ См.: Александров А. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1. С. 54–57; Бляхман Б. Я. О некоторых противоречиях норм трудового права и интересов населения // Трудовое право. 2007. № 11; Борисова Н. К. О некоторых противоречиях в сфере гражданско-правового регулирования отношений при патентовании изобретений в Российской Федерации // Юрист. 2011. № 8. С. 19–22; Быстров Г. Е. Противоречия Лесного кодекса РФ и новая концепция правового регулирования лесных отношений // Экологическое право. 2007. № 5; Гаврилюк Р. В. О противоречиях в нормативном регулировании юридической и компенсационной составляющих института реабилитации в российском уголовном процессе // Юридический мир. 2007. № 6; Егорова Н. Е., Иванюк О. А., Потапенко В. С. Проблемы противоречий в законодательстве и пути их решения // Журнал российского права. 2006. № 11; Иванова В. И. О некоторых нормативных противоречиях в связи с реализацией Болонских идей в России // Международное публичное и частное право. 2006. № 4; Завидов Б. Д. Некоторые пробелы и противоречия основных начал (принципов) гражданского законодательства России // СПС «КонсультантПлюс»; Проценко С. В. О противоречии действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // Российский следователь. 2010. № 19. С. 22–26; Рябинина Т. К., Козьявин А. А. Системные противоречия

противоречия законодательства»¹, «коллизии правового регулирования»², «противоречия нормативных правовых актов»³, «несогласованность норм права»⁴, «диспропорция отношений»⁵ и др.

Достоинством работ, посвященных рассмотрению отдельных изъянов, дефектов, противоречий в системе нормативных правовых актов, является аналитический подход и детальный разбор конкретной проблемной ситуации. Однако имеющийся в юриспруденции материал по-прежнему не получает надлежащего синтеза знания в направлении исследования состояний накопления определенных типов дефектов нормативно-правовой материи, характеризующихся некоторыми чертами системности, постоянства и трансформирующихся в те или иные формы законодательного дисбаланса. Кроме того, сами термины «асимметрия», «диспропорция», «несогласованность», «дисгармония» и некоторые другие не получают надлежащей теоретической обработки; как следствие – отсутствует формирование на их основе устойчивых понятийных конструкций, способных в общем учении о законодательстве в системном виде отражать сложные формы его разбалансированности.

В исследованиях системы законодательства наряду с вышеперечисленными понятиями ученые также оперируют и категорией «информационная избыточность». Одним из первых данную дефиницию применительно к анализу нормы права предложил Ю. В. Кудрявцев. По его мнению, информационная избыточность есть некая часть информационного сообщения, которая не выполняет какой-либо полезной функциональной нагрузки и может быть опущена воспринимающим субъектом без потери смысла⁶. Уже на первый

процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. 2009. № 21. С. 10–13; *Статычнюк И.* О некоторых противоречиях российской Конституции // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 1; *Тихомиров Ю. А.* Юридические противоречия и «нормы – посредники» // Право и экономика. 1999. № 5; *Хачатурян Ю.* Гарантии и компенсации работникам при исполнении ими государственных или общественных обязанностей: пробелы и противоречия законодательства // Трудовое право. 2011. № 3. С. 51–58; *Широков В. А.* Противоречие законов как серьезное препятствие в борьбе со взяточничеством // Современное право. 2005. № 4.

¹ См.: *Власов А. А., Наумычева А. В.* К вопросу о понятийных противоречиях в российском законодательстве о лицензировании // Современное право. 2001. № 8; *Сергеев Д. Б.* Термины «местное самоуправление», «органы местного самоуправления» и «муниципальное образование»: противоречия при использовании в понятийном аппарате российского права // Современное право. 2010. № 6. С. 26–28.

² См.: *Павлова М.* Гражданское и административное судопроизводство: коллизии правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 10. С. 4–8.

³ См.: *Фархуллина Н. Н.* К вопросу о противоречии федеральному и региональному законодательству муниципальных нормативных правовых актов субъектов РФ (практический аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 73–76.

⁴ См.: *Женетль С. З.* Несогласованность некоторых норм в новых законах // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 9; *Липинский Д. А.* Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // Юрист. 2003. № 7; *Малкин О. Ю.* Коллизионное регулирование наследственных отношений: несогласованность подходов // Наследственное право. 2007. № 1.

⁵ См.: *Собянин С. С.* Формирование правовых механизмов преодоления диспропорций регионального развития как этап совершенствования федеративных отношений в России // Право и политика. 2007. № 1.

⁶ См.: *Кудрявцев Ю. В.* Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 116.

взгляд можно предположить, что избыточность информации в тексте нормативного правового акта и законодательства в целом относится к особому виду его дефектов, что, в свою очередь, позволяет трактовать информационную избыточность как одну из форм проявления дисбаланса законодательства.

При этом необходимо разграничивать информационную избыточность текста нормативного правового акта и явление конкуренции норм права. Состояние конкуренции норм возникает в ходе правоинтерпретационной, правореализационной деятельности, когда два и более близких по объекту и предмету правового регулирования нормативных предписания «претендуют» на их применение в рамках конкретного юридического дела. Конкуренция норм права не свидетельствует о наличии избыточной юридической информации в законодательстве, она обусловлена техникой их изложения в тексте нормативного правового акта и является необходимым атрибутом правотворческой и правоприменительной деятельности.

Одной из разновидностей информационно-правовой избыточности является неоправданное дублирование нормативных предписаний в законодательстве, что приводит к негативным последствиям в виде правовой инфляции, девальвации права, на что справедливо указывает Ю. А. Тихомиров в ряде своих работ¹. Проблема дублирования норм в тексте закона и иных нормативных правовых актов неоднократно поднималась и в трудах других исследователей².

Специальное комплексное исследование проблемы информационной избыточности проведено на общетеоретическом уровне О. А. Лупандиной. Она трактует ее как особое явление повтора информации в текстах нормативных правовых актов в той или иной форме, которое лишено какой-либо дополнительной смысловой нагрузки, позволяет либо преобразовать текст без ущерба для смысла, либо вовсе опустить одно из дублирующих предписаний³. Исследователь подразделяет по значению информационную избыточность на позитивную и негативную, отмечая, что позитивную избыточность информации в тексте нормативных правовых актов удалять ни в коем случае нельзя.

При таком подходе, на наш взгляд, обнаруживает себя определенная несогласованность в авторской позиции. В определении избыточности информации О. А. Лупандина указывает на признак отсутствия дополнительной смысловой нагрузки в ситуации повтора части нормативно-правового текста. Однако, если предположить позитивный характер отдельных случаев повторов, дублирования информации в текстах нормативных правовых актов, то следует вывод о том, что в этом все же есть какой-то полезный смысл. К примеру, частичное дублирование норм Конституции в отраслевых законах порой объясняют потребностью в усилении информационно-психологического воздействия на сознание участников общественных отношений, регулируемых правом, в демонстрации связи

¹ См.: Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 4–6.

² См.: Власенко Н. А. Логика в изучении согласованности системы советского права // Логические и математические методы в правовой теории и практике. Л., 1989. С. 47–48; Рассолов М. М. Проблемы управления и информации в области права. М., 1991. С. 126–127; Самоценко И. С. Планирование законодательства в СССР // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 3; Халфина Р. О. Право и управление экономикой // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 16.

³ См.: Лупандина О. А. Информационная избыточность в текстах нормативно-правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 10–11.

Основного Закона и текущего законодательства. В результате сознательный повтор правотворческим органом наиболее важной юридической информации все же выполняет определенную функциональную нагрузку.

О. А. Лупандина объясняет объективно присущий позитивный характер избыточности информации в тексте закона потребностью наиболее полного ее доведения до воспринимающих ее субъектов, обеспечением должного уровня ее доступности для уяснения и воплощения посредством соответствующего поведения в жизнь. Думается, что случаи оправданного и необходимого с практической точки зрения дублирования информации в тексте нормативных правовых актов вряд ли следует подводить под объем понятия «избыточность информации». Речь идет именно о достаточной полноте нормативно-правовых предписаний, о необходимости информационной насыщенности в описании того или иного юридического правила или принципа. На наш взгляд, одного понятия для теоретического описания рассматриваемой закономерности недостаточно. По сути, за авторской трактовкой проблемы скрываются два противоположных явления — информационная полнота и достаточность и информационная избыточность текста нормативных правовых актов.

В свете обозначенной темы прямая связь прослеживается между именно избыточностью юридической информации в негативном ее понимании и процессом разбалансированности в законодательстве, где одно есть форма и часть проявления другого. При этом необходимо не допускать ситуации перерастания полноты изложения воли законодателя в тексте нормативного правового акта в избыточное дублирование его положений, что в итоге может привести к смысловой, информационной разбалансированности законодательства. Таким образом, проблема дисбаланса законодательства может рассматриваться и в информационном аспекте, с опорой на знания общей теории информации.

Наряду с информационной избыточностью текста нормативных правовых актов модель законодательного дисбаланса имеет ряд точек соприкосновения с *принципом правовой экономии и идей соразмерности* как количественно-качественной характеристикой юридической материи. Вопросы правовой экономии являются достаточно перспективным направлением общетеоретических и отраслевых изысканий в юриспруденции. Однако широкого обсуждения в юридической литературе данная проблематика пока не получила. Можно отметить лишь отдельные работы¹, подготовленные относительно недавно и специально направленные на формирование понятийной конструкции, отражающей феномен правовой экономии.

В частности, Ф. Г. Кипарисов полагает, что принцип правовой экономии должен базироваться на разумной соразмерности целей и средств формулирования и реализации нормативного предписания законодательства². При этом

¹ См., напр.: Васильев А. А., Куликов Е. А. Методологические аспекты исследования генезиса категории меры в истории отечественной государственно-правовой мысли // История государства и права. 2013. № 16. С. 9–13; Куликов Е. А. Принцип правовой экономии как одно из ведущих проявлений категории «мера» в правовой системе общества // Правовая система общества: преемственность и модернизация : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2013. С. 24–27; Ягофарова И. Д. Категория «мера» в правовых исследованиях // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 7–12.

² См.: Кипарисов Ф. Г. Бланкетные юридические нормы в ракурсе принципа правовой экономии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 251–255.

он критикует позицию¹, согласно которой допускается излишне прямолинейное рассмотрение принципа соразмерности как особого вида принципа справедливости в праве. Однако не вполне ясным остается вопрос о соотношении терминов «соразмерность», «экономичность» и «сбалансированность».

Обращаясь к практике Конституционного Суда РФ, можно привести пример совместного использования обозначенных категорий в обоснование собственной позиции высшей судебной инстанцией: «В силу фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в отношении собственности, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность используемых средств и преследуемой цели, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению...»². Из данного положения следует, что баланс между защитой прав человека и интересами общества может быть обеспечен в правовом регулировании посредством разумной соразмерности достигаемой цели и применяемых средств. Баланс частных и публичных интересов в законодательстве есть цель, а пропорциональность (соразмерность) используемых средств по отношению к этой цели выступает условием ее правомерного достижения.

Таким образом, в общетеоретическом плане можно предложить трактовать принципы правовой экономии, правовой соразмерности (пропорциональности) в качестве необходимых условий (требований) формирования и поддержания баланса в законодательстве и в механизме правового регулирования в целом. В случае же законодательного дисбаланса факторами его возникновения и дальнейшего усиления будут выступать различного рода нарушения принципа правовой экономии, пропорциональности в нормативно-правовых предписаниях. Применение средств правовой экономии (например, бланкетного способа изложения нормы права в статье нормативного правового акта) не должно приводить к разбалансированности российского законодательства, нарушению баланса частных и публичных интересов, возникновению диспропорции между средствами и целью правового наказания, рассогласованию материального и процессуального нормативно-правового предписания и т. д.

В качестве конкретных примеров использования средств правовой экономии в отраслевом законодательстве Ф. Г. Кипарисов справедливо называет принципы экономии уголовной репрессии и мер административного принуждения, процессуальной экономии. К числу конкретных видов допускаемых на практике нарушений начал правовой экономии можно отнести: технико-юридические дефекты закрепления норм права в бланкетных статьях нормативного правового акта, когда экономия текстуальной формы выражения приводит к излишней неопределенности права, противоречиям в его толковании

¹ См.: Куликов Е. А. Категория меры в праве: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 5.

² По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйслена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Российская газета. 2014. 31 окт.

и применении (например, отсылка в бланкетном юридическом предписании к неопределенному числу источников, перегруженность системы законодательства различного рода терминами); установление излишних процессуальных средств для реализации материальной нормы закона; необоснованное усиление уголовной или административной репрессии, несоразмерность в установлении мер наказания за совершение различного рода правонарушений; излишнее число нормативных предписаний в подзаконных нормативных актах, установленных для конкретизации общей нормы закона и др.

С учетом изложенного, отметим, что диспропорции в реализации принципов правовой экономии и соразмерности нередко являются условием появления и развития законодательного дисбаланса, который, в свою очередь, может служить основой для появления новых дефектов в системе нормативных правовых актов.

Далее представляется необходимым обратиться к вопросу о соотношении понятий «мера», «баланс» и «дисбаланс» в исследовании системы законодательства. Как верно указывает Е. А. Куликов, термин «мера» имеет множество смысловых значений¹, что отчасти осложняет определение его статуса в понятийных рядах теории права. Под мерой в юриспруденции понимают: тот или иной правовой инструмент (мера наказания, мера правового ограничения и юридической ответственности); количественно-качественное состояние юридического явления или процесса в философском значении; определение пределов чего-либо (например, право как мера свободы).

Наиболее устойчиво в юриспруденции термин «мера» употребляется в качестве синонима слова «средство». Использование меры в качестве моделирующего конструкта количественно-качественных параметров системы права, системы законодательства или иных правовых явлений практически не находит применения в правоведении, хотя именно в этом качестве понятие «мера» может отчасти конкурировать с категорией «баланс». Соответственно, нарушения меры как оптимального эталонного соотношения количественно-качественных параметров в системе наиболее близко соотносятся с понятием дисбаланса.

Е. А. Куликов в своем диссертационном исследовании определяет меру в праве именно в виде качественно-количественной характеристики правовой действительности, позволяющей описать состояние и динамику правовых явлений. Он также предлагает рассматривать систему права в качестве меры системы законодательства, что обосновывается, по его мнению, «асистемностью, политизированностью, нестабильностью и переходным характером российского законодательства»². Как полагает исследователь, системе права подобные недостатки не присущи. Таким образом, система права позиционируется как некий эталон для формирования и развития системы законодательства.

Не отрицая возможной продуктивности подобного подхода к исследованиям государственно-правовых явлений, все же полагаем в целях решения поставленных в настоящей работе вопросов оправданным выбор категориальной пары «баланс — дисбаланс», позволяющей, на наш взгляд, более полно и точно с методологической и теоретической точки зрения описать системное развитие законодательства. Кроме того, полисемия термина

¹ См.: Куликов Е. А. Категория меры в праве: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 12.

² Там же.

«мера» существенно мешает становлению ее в качестве особой категории правоведения. Вопрос же о соотношении и взаимосвязи системы права и системы законодательства весьма сложен и требует специального, более пристального рассмотрения. Неразрывность содержания и формы, коими выступают система права и система законодательства, не позволяет сделать вывод об однозначной приоритетности в их взаимодействии или их автономной «непорочности».

В общей теории законодательства для дальнейшего более углубленного изучения состояний и процессов устойчивого и неустойчивого, симметричного и асимметричного, пропорционального и непропорционального, дефектного и нормального, равного и неравного в нормативно-правовой материи наиболее оптимальным представляется внедрение в познавательный процесс категорий «законодательный дисбаланс» и «законодательный баланс». Синтезирующий аспект в формировании понятия «законодательный дисбаланс» особо выделяет И.Н. Сенякин¹. В настоящий момент для развития учения о законодательстве данная категориальная пара может выполнить весьма важную интегрирующую функцию, соединив в себе ряд диалектически связанных процессов, тенденций и явлений, в обязательном порядке характеризующих весь динамизм происходящих с ним трансформаций.

Не претендуя на завершенность и окончательность определения, предлагаем понимать под законодательным дисбалансом объективно обусловленный, детерминированный уровнем и условиями общественного развития, имманентно присущий законодательству динамичный процесс, выражающийся либо в несогласованности, несоответствии образующих его структуру и содержание элементов (подсистем), либо в неравновесии, неравнозначности используемых им средств, а также в диспропорции между стремлением законодательства к устойчивости и к стабильности, специализацией и унификацией нормативно-правовой материи, что создает препятствия в правовом урегулировании общественных отношений и при достижении критических значений неравновесия существенно снижает потенциал поступательного развития всей правовой системы.

Сложность формально-логического определения дисбаланса, на наш взгляд, заключается преимущественно в системном характере самого законодательства как объекта, его (дисбаланс) содержащего. Многоуровневая, горизонтально-вертикальная структура российского законодательства, а также многоэлементное и разнообразное его содержание предопределяют порой возникновение весьма сложных соединений ряда форм разбалансированности нормативно-правового материала. Это достаточно трудно выразить даже теоретически, выделяя формально-логические признаки определения законодательного дисбаланса. Следовательно, наиболее перспективным в теоретико-методологическом плане нам видится построение модели законодательного дисбаланса на основе именно системного подхода, в рамках которого выделение признаков и формулирование дефиниции понятия представляют собой лишь первоначальный этап познания правовой природы и содержания динамического процесса разбалансированности системы нормативных правовых актов.

¹ См.: Законодательный дисбаланс / И. Н. Сенякин, А. А. Фомин, А. А. Никитин и др.; под ред. И. Н. Сенякина. Саратов, 2013. С. 13.

Отдельные же дефекты законодательства в статике (коллизии, избыточность нормативных правовых предписаний и др.) характеризуют уровень его разбалансированности, являются по своей природе следствием дисбаланса в его системе, служат предупреждающим сигналом для исследователей и юристов-практиков о наличии законодательного дисбаланса. Однако причинно-следственная связь в данном случае имеет двусторонний, разнонаправленный характер. В свою очередь, накапливаемые в системе нормативных правовых актов дефекты по цепной реакции могут вывести проблему разбалансированности законодательства на более сложный уровень, трансформируя дисбаланс, например, из внутритраслевого в межотраслевой.

Пристайный библиографический список

1. Борков, В. Н. Закономерности формирования и дисбаланс системы уголовно-правовых запретов на совершение должностных преступлений // Административное и муниципальное право. — 2008. — № 3. — С. 9–15.
2. Законодательный дисбаланс / И. Н. Сенякин, А. А. Фомин, А. А. Никитин и др.; под ред. И. Н. Сенякина. — Саратов : Изд-во СГЮА, 2013. — 720 с.
3. Лупандина, О. А. Информационная избыточность в текстах нормативно-правовых актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Лупандина. — Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2001. — 25 с.
4. Певницкий, С. Г. Государство, налоги и собственность: баланс или дисгармония // Налоги (газета). — 2006. — № 7. — С. 12–18.
5. Собянин С. С. Формирование правовых механизмов преодоления диспропорций регионального развития как этап совершенствования федеративных отношений в России // Право и политика. — 2007. — № 1. — С. 46–52.
6. Тасалов, Ф. А. УК гуманизируется, дисбаланс остается // ЭЖ-Юрист. — 2011. — № 26. — С. 1–3.
7. Ярошенко, Н. И. Дисбаланс статей 125–127 Конституции Российской Федерации // Современное право. — 2011. — № 3. — С. 34–38.

References

1. Borkov, V. N. Zakonomernosti formirovanija i disbalans sistemy ugodovno-pravovyh zapretov na sovershenie dolzhnostnyh prestuplenij [Regularities of Formation and the Imbalance of the System of Criminal Law Bans on Abuse of Office] // Administrativnoe i municipal'noe pravo. — 2008. — № 3. — P. 9–15.
2. Jaroshenko, N. I. Disbalans statej 125–127 Konstitucii Rossijskoj Federacii [Imbalance of the Articles 125-127 of the Constitution of the Russian Federation] // Sovremennoe pravo. — 2011. — № 3. — P. 34–38.
3. Lupandina, O. A. Informacionnaja izbytochnost' v tekstah normativno-pravovyh aktov : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Information Redundancy in the Texts of Regulative Legal Acts : auithor. dis. ... candidate of legal science] / O. A. Lupandina. — Volgograd : Volgogradskaja akademija MVD Rossii, 2001. — 25 p.
4. Pevnickij, S. G. Gosudarstvo, nalogi i sobstvennost': balans ili disgarmonija [The State, Taxes and Property: a Balance or Disharmony] // Nalogi (gazeta). — 2006. — № 7. — P. 12–18.
5. Sobjanin S. S. Formirovanie pravovyh mehanizmov preodolenija disproporcij regional'nogo razvitija kak jetap sovershenstvovanija federativnyh otnoshenij v Rossii

[Formation of Legal Mechanisms of Overcoming Disproportions in Regional Development as the Stage of Improvement of Federal Relations in Russia] // *Pravo i politika*. – 2007. – № 1. – P. 46–52.

6. Tasalov, F. A. UK gumaniziruetsja, disbalans ostaetsja [The Criminal Code Gets More Human, Still the Imbalance Remains] // *JeZh-Jurist*. – 2011. – № 26. – P. 1–3.

7. *Zakonodatel'nyj disbalans* / I. N. Senjakin, A. A. Fomin, A. A. Nikitin i dr.; pod red. I. N. Senjakina [Legislative Imbalance / I. N. Senyackin, A. A. Fomin, A. A. Nikitin et al.; under the editorship by I. N. Senyakin.]. – Saratov : Izd-vo SGJuA, 2013. – 720 p.